

УДК 34(091)«19»
ББК 67.3(2)52

ЗНАЧЕНИЕ ДОГОВОРА В ОБЫЧНО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ ОПЕКИ У ДОНСКИХ КАЗАКОВ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ¹

Краснов Сергей Юрьевич

Кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского и арбитражного процесса
Волгоградского государственного университета
krasnov@volsu.ru, trofimov@volsu.ru
просп. Университетский, 100, 400062 г. Волгоград, Российская Федерация

Аннотация. В данной статье автор обращается к исследованию значения договора у донских казаков во второй половине XIX века на конкретных примерах заключения договоров об установлении и осуществлении опеки с зятьями, вскормленниками и другими приемышами. Автор делает вывод о том, что подобные договоры всегда носили вторичный, производный характер от тех прав и обязанностей, которые санкционировались к применению донскими казачьими общинами. Данные вопросы еще не были предметом научного исследования ни в историко-правовой, ни в исторической и этнологической науках.

Ключевые слова: обычное право, опека, договор, донские казаки, особенности обычно-правового регулирования, история права России.

Одна из особенностей, характеризующих обычно-правовое регулирование опеки у донских казаков во второй половине XIX в., заключалась в том, что индивидуальные договоры, которые в устной или письменной форме иногда заключались между опекаемыми гражданами и опекунами, носили вторичный, производный (от тех норм обычного права, которые были санкционированы к применению в той или иной донской казачьей общине и направлены на установление прав, обязанностей и ответственности опекунов) характер.

Это хорошо видно, в частности, на примерах подобных договоров, заключаемых с зятьями, которые со своим имуществом переходили жить в семью жены. Не случайно знатоки донского казачьего быта в приведенном нами выше материале о заключаемых с зятьями договорах делали акцент на различных вариантах условий, которые могли составлять содержание указанных договоров. Для

большей убедительности мы можем привести и другие более веские аргументы в обоснование сделанного нами вывода.

Анализ указанных договоров демонстрирует такую же вариативность и в определении названий договоров и той основной цели, на достижение которой они были направлены. По этой причине их невозможно точно отнести ни к одному из известных обычному праву донских казаков видов заключаемых между гражданами договоров. Такое положение было характерно для всех округов Области войска Донского.

«1880 г., 24 февраля, мы нижеподписавшиеся Области войска Донского Нижнекурмоярской станицы (Первого Донского округа. – С. К.) казаки Д.Ф.Т. и И.Е.Щ., заключили сие условие в том, что первый из нас, Т., принял последнего, Щ., в зятья за дочь свою Н. сроком на 10 лет, считая таковой с 1-го июня 1880 г., на следующих условиях: 1-е. Я, Т., по истечении сказанного срока обязан выделить зятю

Щ. с женою его Н., из движимого и недвижимого имения и домашней рухляди, какое только окажется при станице Нижнекурморской, 1/3 часть с тем, чтобы зять мой и жена его, а моя дочь, должны быть в должном повиновении и почтении.

2-е. Я, Т., не касаюсь до пригнанного имения зятем и не обязуюсь ему до 10 срока выделить, но я, Т., обязан, в случае командирования Щ. на Государеву службу, исправить мундирные и амуничные вещи, ежели таковые потребуются, и

3-е. Я, Т., без особенных законных причин не должен отделять зятя Щ. до вышесказанного срока, а ежели же зять мой и жена его, Н., до условного срока, по своим каким-либо выгодам или прихотям, не доживут, то я, Т., не обязуюсь выделять никакой части, а равно исправлять его к службе. При чем я, Т., и жена моя Е. не должны без причин чинить какие-либо нападки, притеснения зятю своему Щ.

Последние из нас, Щ. и моя жена Н., обязуемся быть в повиновении вышесказанным 10-летний срок и ежели мы без причин не доживем до срока, то лишаемся определенной нам части и не должны производить иск за имение. Условие сие мы обязуемся сохранить свято и ненарушимо...»² [5, с. 89].

На первый взгляд может показаться, что договор с зятем, заключенный в 1871 г. в станице Ярыженской Хоперского округа, не имеет ничего общего с предыдущим договором. Но такое ошибочное восприятие, по нашему мнению, может возникнуть именно только в силу незнания механизма действия норм обычного права у донских казаков во второй половине XIX века.

«1871 г. апреля 15 дня Области войска Донского Ярыженской станицы казаки: Н.К. и И.Г. учинили настоящее условие в нижеследующем:

1. Из нас 1-й К. принимает последнего Г. к себе на всегдашнее жительство с женою его Г. с тем, что приведенное Г.: лошадь, телушка 2-х лет, свинья с поросенком, пара гусей, один стан колес, и др. домашняя рухлядь поступает в одно имущество, имеющееся у К.

2. Проживя Г. у К. несколько времени и пожелает сойти от К. на отдельное жительство прежде смерти К., то он Г., кроме приведенного к К. сиротского своего имущества, получает от животных, принадлежащих К. по одному приплодку; из строения же и хлеба Г. должен получить по обоюдной их с К. сделке.

3. Если же К. припокоит при старости тестя своего К. по смерти и жену его К., то он Г., не считая свое приведенное имущество к К., получает равную часть с наследниками К.: сыном С. и зятем казаком Р.» [5, с. 89–90].

Еще большим своеобразием отличались договоры, заключавшиеся с зятьями в 1883 г. в станице Верхне-Кундрючевской.

«13 декабря (1883 года. – С. К.) Я нижеподписавшаяся ОВД Верхне-Кундрючевской станицы вдова казака Марья Петровна Сафронова продала зятю своему казаку Родиону Иванову Стефанову, принадлежащее мне имение состоящее в хуторе Евсеевском именно: глиняный дом крытый соломою, кухню и лестничку также соломою крытою и за все это имение я взяла с него 100 руб. сереб. каковые деньги сполна получила, затем из имения собственного мне принадлежащего остается одна пара быков, которых я также отдала ему Стефанову с тем чтобы он по смерти моей совершил обряд христианского поминовения по душе моей, а остальное из имения как то базные пристройки находящиеся при проданном мною доме и рогатый скот лошади и овцы как приобретенные трудами зятя моего Родиона Стефанова и жены его Павлины, и составляющие их неотъемлемую собственность и мне ни в каком случае не принадлежат к купчей крепости рукою приложила казачья вдова Сафронова, а по неграмотству ее с личной просьбы подписал казак Исай Пятибратов» [1, 29 об. – 30 об.].

Подобные договоры заключались в этом же 1883 г. в той же самой станице Верхне-Кундрючевской не только с зятьями, но и с воспитанниками («вскормленниками»).

«3 декабря (1883 года. – С. К.) Запродажная сделка

Мы нижеподписавшиеся ОВД Верхне-Кундрючевской станицы казаки Анистрат Жмурин и воспитанник его Евсегней Осипов заключили сию запродажную сделку в следующем: из нас первый Жмурин продал последнему Осипову деревянный дом стоящий в станице Верхне-Кундрючевской с местом и дачными пристроями ценою за 280 руб. одну пару волов, одну корову с телком, жеребенка сасуна, штук овец, бычка 3-х лет ценою в общей сложности за 200 руб. и с домом вместе 480 руб. сереб. и деньги я Жмурин от Осипова получил все сполна, к проданному моему имению из наследников моих касаться никто не должен, и что я все это Осипову уважил дешевою ценою потому что бы он как меня, так и жену мою Агафью допоил и докормил, а по смерти бы сделал погребение и поминовение по христианскому обряду» [1, 27–27 об.].

Возникает вопрос: было ли тогда вообще что-то общее, что объединяло бы все вышеуказанные договоры? На наш взгляд, на него можно дать утвердительный ответ.

Общим являлось то, что в обычно-правовых представлениях донских казаков во

второй половине XIX в. и зятя, и воспитанники («вскормленники») воспринимались и считались приемышами.

«Вскормленников принимают обыкновенно богатые казаки от бедных: частью из жалости (от бедных родственников), частью из желания иметь в семье лишнего работника. ... зятьев принимают у казаков также весьма часто... Вообще в зятя идут весьма неохотно, ибо положение “приемыша в зятя” плохо, в особенности в “большой” семье. В зятя идут сироты и бедняки» [5, с. 88–89].

Но самое главное, что объединяло все приведенные ранее договоры, заключалось в том, что в соответствии с указанными представлениями в каждой донской казачьей общине санкционировались к применению те или иные нормы обычаев, которые определяли форму и содержание индивидуальных договоров, заключаемых с приемышами. В каких-то общинах такие договоры могли носить название запродажных сделок, духовных завещаний, а в других – называться совсем по-иному или вообще не иметь названия. Но во всех случаях условия индивидуальных договоров, заключаемых между гражданами, должны были соответствовать нормам обычного права, выработанным донскими казачьими общинами.

Например, в конце 60-х гг. XIX столетия в станице Раздорской на Дону Первого Донского округа донская казачья община разрешила гражданам заключать с приемышами только запродажные сделки или оставлять приемышам свое имущество путем составления духовных завещаний.

«Приемыши хотя с детства живут вместе с детьми (опекуна. – С. К.), не участвуют ни в чем наравне с детьми. Только при непочтении детей и беспрекословном повинении приемыша, отец имеет право из своего имения сколько хочет дать приемышу, но только по завещанию ли продажной записи; а полное усыновление детьми не допускается (донской казачьей общиной. – С. К.)» [4].

В 80-е гг. XIX в. запродажные сделки с зятями заключались и в станице Луковской Хоперского округа.

«В Луковской станице сообщали, что здесь просто “покупают зятьев” из сыновей бедных родителей» [5, с. 90].

Об ограничении воли и волеизъявления граждан на самостоятельное формулирование

условий индивидуальных договоров свидетельствует и существование у донских казаков механизма проверки условий всех заключаемых между гражданами договоров на их соответствие нормам обычного права, санкционированным донскими казачьими общинами к применению в тот или иной период времени. Поскольку общины не просто подтверждали и переподтверждали, но отменяли и запрещали применение отдельных норм обычаев, то в случаях, когда граждане отступали от прямых предписаний общины, противоречили им, при рассмотрении и разрешении возникающих между гражданами споров суды руководствовались нормами обычного права, а не условиями, содержащимися в заключенных гражданами индивидуальных договорах.

«По смерти тестя не редко теснят дети покойного; так например, если зять-приемыш захочет женить сына своего, то шурия отказываются помогать ему, говоря: «твой сын – твой дом: справляй как хочешь» (запись в Ярыженской станице Хоперского округа. – С. К.) Впрочем если по смерти отца шурия не дают ничего, то зять может требовать в суде уплаты за года его работы в семье (в Пятиизбянской станице Второго Донского округа. – С. К.) например, по 100 рублей в год) Поэтому шуриям выгоднее поделиться с ним “на любках”» [5, с. 91].

О том, что в Хоперском округе применялись подобные нормы, можно судить по копии с решения А-ского станичного суда от 24 марта 1880 года.

«Здесь станицы урядник Родион Тарасов словесно заявил жалобу А-скому станичному суду о том, что зять казак Сергей Кузнецов, самопроизвольно ушел от тестя своего к родному своему отцу казaku Евдокиму Кузнецову, у которого и проживал целый год, и пользовался паями травными и паями земельными. Ответчик казак Евдоким Кузнецов показал, что его собственную землю распахивал и что сын его у него действительно прожил один год.

Станичный суд постановил: так как зять урядника Родиона Тарасова самопроизвольно ушел от своего тестя к родному отцу, где проживал полный год, а потому станичный суд постановил: с родного отца его Евдокима Кузнецова взыскать 25 рублей за проживание и работу у него в доме. О чем и объявить уряднику Родиону Тарасову» [2].

То же самое в начале 80-х гг. XIX в. было предусмотрено и в станице Малодельской Усть-Медведицкого округа.

«Выгоняя из дома приемыша, отец обязан заплатить за проработанное время. В случае же отказа в этом, сын приемный жалуется в суд, который высчитывает года, начиная с 10 лет: с 10–17 лет – по 30 рублей в год; с 17 лет – 50 рублей в год; с 20 лет – 60–75 рублей в год.

Если приемыш “жил парой” то есть вместе со своей женой, то ей приемный отец обязан заплатить в год 15–25 рублей (записано в Пятиизбянской (Второго Донского округа. – С. К.) станице)» [5, с. 87].

Нарушения санкционированных донскими казачьими общинами норм обычного права, в силу сложного и противоречивого характера казачьего нормотворчества, зачастую были порождены как субъективными так и объективными причинами.

«Нередко казаки принимают по несколько зятьев и при родных сыновьях. Условия или словесное при свидетелях или же письменное засвидетельствованное в станичном правлении и внесенное в книгу договоров» [там же, с. 88].

«При приеме зятя за дочь во двор тестя особенно те, у которых нет кроме дочери детей выдают условия за засвидетельствованием хуторского общества, по которому имение свое, по смерти, назначает зятю. Условия эти большей частью не исполняются; с одной стороны в случае неудачного брака зять оставляет тестя и уходит на отдельное хозяйство, а с другой стороны через экономические расчеты тестя в виду расхода на исправление к службе зятя, насильно отделяет его на особое хозяйство; эта последняя черта проявляется во многих семьях и в отношении родных сыновей» [3].

Подводя итог всему вышесказанному, можно сделать достаточно обоснованный, достоверный вывод о том, что указанные договоры носили вторичный, производный характер от тех прав и обязанностей, которые устанавливались для опекунов донскими казачьими общинами, в соответствии с санкционированными в конкретный период времени нормами обычного права. Таким образом, заключаемые гражданами договоры об опеке с зятьями, вскормленниками и другими приемышами нельзя считать источником обычного права, поскольку если условия различных вариантов подобных договоров противоречили нормам обычного права, то обычные суды при разрешении возникающих спо-

ров руководствовались не условиями заключенных договоров, а санкционированными к применению нормами обычного права.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного гуманитарного фонда и Правительства Волгоградской области в рамках научно-исследовательского проекта «Обычное право донских казаков во второй половине XIX века. Регулирование семейных и наследственных отношений» – проект № 13-13-34007 а/В.

² Здесь и далее сохранены орфография и пунктуация первоисточников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Государственный архив Ростовской области (ГАРО). – Ф. 338. – Оп. 4. – Д. 274. – Л. 27–27 об.
2. Омикрон, Д. Письма из Урюпина / Д. Омикрон // Донской голос. – 1880. – № 55.
3. Пономарев, С. Этнографические очерки Луганской станицы. Семейные и имущественные отношения / С. Пономарев // Донские областные ведомости. – 1876. – № 55.
4. Попов, И. Народные юридические обычаи / И. Попов // Донской вестник. – 1869. – № 31.
5. Харузин, М. Н. Сведения о казацких общинах на Дону. Материалы для обычного права / М. Н. Харузин. – М., 1885. – Вып. 1. – 386 с.

REFERENCES

1. Gosudarstvennyy arkhiv Rostovskoy oblasti (GARO) [State Archive of Rostov Region], f. 338, op. 4, d. 274, l. 27-27ob.
2. Omikron D. Pisma iz Uryupina [Letters from Uryupin]. *Donskoy golos*, 1880, no. 55.
3. Ponomarev S. Etnograficheskie ocherki Luganskoy stanitsy. Semeynye i imushchestvennye otnosheniya [The Ethnographic Essays of the Lugansk Village. Family and Property Relations]. *Donskie oblastnye vedomosti*, 1876, no 55.
4. Popov I.V. Narodnye yuridicheskie obychai [Folk Legal Customs]. *Donskoy vestnik*, 1869, no 31.
5. Kharuzin M.N. *Svedeniya o kazatskikh obshchinah na Donu. Materialy dlya obychnogo prava* [The Data on the Cossack Communities in Don Region. Materials for Customary Law]. Moscow, 1885, iss. 1. 386 p.

**THE VALUE OF CONTRACT IN CUSTOMARY LEGAL REGULATION
OF GUARDIANSHIP BY THE DON COSSACKS
IN THE SECOND HALF OF XIXTH CENTURY**

Krasnov Sergey Yuryevich

Candidate of Juridical Sciences, Associate Professor,
Department of Civil and Arbitration Proceeding, Volgograd State University
krasnov@volsu.ru, trofimov@volsu.ru
Prosp. Universitetsky, 100, 400062 Volgograd, Russian Federation

Abstract. In this article the author studies the value of contract in Don Cossacks Communities in the second half of the XIXth century, using the examples of the conclusion of contracts on establishment and implementation of guardianship with sons-in-law, foster-sons and other adopted children. The author draws a conclusion that such contracts were always secondary and derivational from those rights and responsibilities which were authorized to application by the Don Cossack communities. This data have not been the subject of scientific research neither in historical and legal, nor in historical and ethnological sciences.

Key words: customary law, guardianship, contract, Don Cossacks, peculiarities of customary legal regulation, History of Russian Law.